

ИСТОРИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

М. А. Корзо

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10068

СИНТЕЗ КУЛЬТУРНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ В ШКОЛЬНЫХ КАТЕХИЗИСАХ XVII–XVIII вв.

Аннотация. В статье анализируются типы школьного катехизиса, получившие наибольшее распространение в восточнославянской книжности XVII–XVIII вв. Анализ осуществляется в широком историческом контексте и с использованием методов сравнительного анализа. «Школьный катехизис» или разнообразные религиозные поучения в составе букварей и элементарных учебников рассматривается как собирательное понятие, которое объединяет в себе разные в жанровом отношении тексты. Испытав влияние уже существующих на Западе моделей — восходящих к Средневековью «катехетических молитв» католиков, возникшего в XVI в. в протестантской книжности жанра «Spruchbücher» и «Малого Катехизиса» 1529 г. Мартина Лютера, религиозные поучения в составе букварей и элементарных учебников киевской и московской печати являются пример творческого синтеза различных культурных и религиозных традиций. «Внешние» образцы выступают своего рода интеллектуальным вызовом, в диалоге с которым формируется особый конфессиональный «облик» восточнославянского школьного катехизиса.

Ключевые слова: букварь, школьный катехизис, Феофан Прокопович, Россия, Речи Посполитая, синтез традиций, православная книжность, иноконфессиональные влияния, Spruchbücher, XVII–XVIII вв.

Говоря о школьных катехизисах¹, я имею в виду разнообразные религиозные поучения в составе букварей и элементарных учебников. «Школьный катехизис» применительно к XVII–XVIII вв. нельзя рассматривать как некий законченный текст или самостоятельный литературный жанр, но скорее как такое собирательное понятие, которое объединяет очень разные в жанровом отношении тексты. Задача настоящего исследования — дать общую характеристику основных культурных и религиозных традиций, которые определили композиционную и содержатель-

ную специфику восточнославянских школьных катехизисов XVII–XVIII вв.

Характерной чертой букварей раннего Нового времени — как рукописных, так и старопечатных, опубликованных в разных странах и созданных в разных культурных и конфессиональных традициях, было соединение довольно скромного по объему грамматического материала с пространной подборкой текстов религиозного содержания. Зачастую и в состав академических учебников грамматики включали молитвы и краткое изложение основных положений вероучения в прозаической или рифмованной форме — в виде легких для заучивания четверостиший. Религиозным тестам отводилась в этом случае двойная роль: они служили для освоения азов христианского вероучения, для формирования религиозного сознания детей, также с их помощью дети осваивали навыки чтения. Повсеместное использование текстов светского характера (коротких поучительных историй и басен, сказок,

¹ Слово «катехизис» в переводе с греческого означает «оглашать», «сообщать широкой аудитории»; реже — «обучать с голоса», «наставлять». Именно в последнем значении это понятие прижилось в широкой практике у христиан. Существуют первоначально именно в форме устного наставления, катехизис с конца XV в. все больше превращается в книгу. Этому в значительной степени способствовало как изобретение книгопечатания, так позднее и европейская реформация.

фрагментов исторических и художественных сочинений) в качестве материала для чтения станет характерной чертой эпохи Просвещения. А потому в интересующий меня период религиозные букварные наставления сложно изучать изолированно от грамматического материала, поскольку они составляли с ним единое целое, зачастую графически никак не выделялись, были органично вплетены в тексты для чтения. Со временем молитвы и фрагменты Св. Писания стали дополняться хорошо структурированными и лишенными какого-либо комментария катехизисами, составленными в традиционной для этого жанра форме вопросов и ответов.

В восточно-христианском ареале до появления печатных букварей дети учились читать по богослужебным книгам — Псалтыри и Часослову. В ранних же печатных изданиях в качестве текстов для чтения использовались т.н. толковые азбуки или азбуки-границы, подборка молитв из Часослова. Но уже в ранних букварях московской печати¹ состав религиозного материала складывается под влиянием элементарных учебников, издававшихся в православных типографиях польско-литовского государства, в первую очередь — в Евье (типография Виленского православного братства, 1618 г.), Могилёве и Кутейно (типография Спиридона Соболя (ум. ок. 1645), 1631 и 1636 гг.)². Украинские и белорусские издания, в свою

очередь, испытали сильное влияние польских католических образцов³. Наиболее распространенная в католических элементарных учебниках модель изложения основ вероучения восходит к т.н. «катехетическим молитвам» (*modły katechizmowe*) Средневековья, которые производились после проповеди священником совместно с верующими и усваивались последними со слуха. Данная модель формировалась постепенно; в своей законченной форме она отражает содержание средневековой приходской катехезы, основные части которой сложились уже в зрелое Средневековье, после IV Латеранского собора 1215 г.⁴ Главными элементами этой катехезы были первоначально Апостольский Символ веры (текст делился на число строк по числу апостолов), молитвы «Отче наш» (в полной версии Мф 6: 9–13 и в сокращенной форме Лк 11: 2–4) и «Радуйся, Мария» (известная в католической традиции также как «Ангельское приветствие»), ветхозаветные заповеди Декалога на основе Книги Исход (Исх 20: 1–17). Позднее содержание религиозного наставления расширяется за счет семи церковных таинств и пяти церковных заповедей, различных категорий греховных деяний (главных или смертных, т.н. «чужих» (Пс 18: 13б–14а), против Св. Духа (Мф 12: 31–32), совершенных пятью телесными чувствами, др.) каталогов добродетелей (богословских — 1 Кор 13:13, четырех главных — Прем 8: 7, трех евангельских советов бедности, целомудрия и послушания — Мф 19: 12, 21; Ин 8: 29), дел милосердия для души и тела (Мф 25: 34–36), евангельских блаженств (Мф 5: 3–11), даров и плодов Св. Духа (Ис 11: 2–3, Рим 12: 3–9, Гал 5: 22–23), двуединой заповеди о любви к Богу и ближнему (Мф 22: 37–40). С расширением содержания катехизации, многие ее составляющие облекались для простоты запоминания в рифмованную форму. Например, семь смертных грехов были представлены в форме акrostиха «Saligia» (*superbia*,

¹ Исследователям доступны в настоящее время 11 изданий букварей XVII в. (тип. Василия Бурцова: 20.VIII.1634, 8.II.1637; Московского Печатного двора: 1657, 1664, 28.IX.1667, 28.IX.1669; московской Верхней типографии XII.1679; Кариона Истомина III.1694 и 4.VI.1696) и 4 издания кирилловской печати начала XVIII в. (московские издания: Славяно-греко-латинский Федора Поликарпова, VI.1701; VIII.1704 и V.1708; типография Александро-Невского монастыря в Санкт-Петербурге: Феофана Прокоповича V.1721). Фактически было опубликовано значительно больше букварей и азбук, которые просто не сохранились до наших дней. Плохая сохранность учебной литературы (и это характерно для всех культурных ареалов!) объясняется тем, что эти книжицы малого формата, изданные зачастую на бумаге худшего качества просто зачитывались и быстро ветшали. Известно также, что в более позднюю эпоху (в частности, во вторую половину XVIII в.) страницы из устаревших на тот час буквариков и азбук использовались книгоиздателями для подклеивания и реставрации переплетов других книг.

² Подробнее о становлении украинско-белорусской букварной традиции см.: Корзо М. А. О структуре и содержании букварных катехизисов московской печати XVII — начала XVIII в. // Славяноведение. 2005. № 2. С. 61–71.

³ Несмотря на то, что история польских элементарных учебников довольно полно исследована с книговедческой стороны (см., например, довольно полный, хотя и не лишенный некоторых пробелов каталог изданий этого жанра за XVI–XX вв.: Pilarczyk Fr. *Elementarze polskie II. Materiały bibliograficzne*. Zielona Góra, 1990), религиозный материал в составе букварей (его композиционные и содержательные особенности, эволюция на протяжении XVI–XVIII вв.) почти не привлекал внимания польских исследователей.

⁴ Murawski R. *Katecheza w średniowieczu* // *Encyklopedia Katolicka*. T. 8. Lublin, 2000. Kol. 1031.

avaritia, luxuria, invidia, gula, ira, acedia / acidia), пять телесных чувств — акростиха «Vagot» (visio, auditus, gustus, odor, tactus). Известно огромное количество рифмованных декалогов, самые ранние из которых датирована XV в. В Польше они составлялись преимущественно францисканцами, разрастались со временем из небольших стихотворений в многокуплетные песни и использовались не только для наставления верующих в приходе и для заучивания в школе, но и во время католических миссий. В католическом ареале данная модель катехезы, повлиявшая на содержание религиозного материала и в составе элементарных учебников, существовала с определенной модификацией на протяжении целого ряда столетий. Ее логическим продолжением в XIX в. становятся дешевые грамматические пособия и букварики для народа (в Польше т.н. *groszówki* или *abecadlniki*).

В России данная воспринятая посредством украинско-белорусских букварей католическая в своей основе модель примитивного школьного катехизиса также продолжает существовать на протяжении всего XVIII в., воспроизводясь преимущественно в изданиях кирилловского шрифта. Даже после введения по инициативе Петра I гражданского алфавита в книгопечатании подавляющее большинство букварей и элементарных учебников набирается именно этим шрифтом. Примером такой условно архаичной традиции могут служить идентичные по содержанию издания московской печати 1704 и 1708 гг. («Букварь языка славенска, сиречь начало оучения детемъ, хотящим оучитися чтению писаний»), «Азбука церковная и гражданская» (М., 1768) русского языковеда, профессора Московского университета Антона Алексеевича Барсова (1730–1791). Стоит отметить в качестве примечания, что и в других конфессиональных традициях подборка религиозных текстов в составе элементарных учебников отличалась значительным консерватизмом: она подверглась весьма незначительному расширению в XVII–XVIII вв., сохраняя при этом свои базовые элементы¹.

¹ Примером могут послужить немецкоязычные издания и чешские буквари (Kubálek J., Hendrich J., Šimek Fr. *Naše Slabikáře. Od nejstarší doby do konce století XVIII*. Praha, 1929; Müller J. *Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachigen Unterrichts bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts*. Gotha, 1882. S. 210 ff.; Willke I. *ABC-Bücher in Schweden. Ihre Entwicklung bis Ende des 19. Jahrhunderts und ihre Beziehungen zu Deutschland*. Lund, 1965. S. 68).

Другую разновидность школьного катехизиса образуют помещенные в букварях подборки религиозно-нравственных сентенций. Они составлялись преимущественно из библейских фрагментов или кратких цитат², могли быть предельно лаконичными или весьма пространными; в качестве организующего начала здесь всегда использовался столь популярный в религиозной книжности и более ранней эпохи алфавитный принцип. В Речи Посполитой школьные катехизисы этого типа получают широкое распространение еще в XVI в. и преимущественно в протестантской среде³. В восточнославянских букварях такие подборки встречаются впервые в недатированном киевском учебнике второй половины XVII в. «Букварь языка Славенска», в учебнике уневской типографии (16.V.1698), в «Грамматике или учении Писмени Книжного» Киев, 1705 г. В данных изданиях сентенции совершенно идентичны, начинаются с зачала: «Аще что либо твориши, все въ славу Божию твори. Аще совратишия от истинны, премени совесть. Аще врагъ твой алчетъ, насыщай. Аще жаждеть, напайя его». Другая по содержанию подборка напечатана в учебниках московской печати, в частности — в «Азбуке гражданской со нравоучениями» 1710 г., в создании которой участвовал сам царь Петр I. Азбука стала первым изданием, опубликованным в России гражданским шрифтом. 99 сентенций на 33 буквы алфавита озаглавлены «Нравоучения отъ священнаго писания по алфавиту їсбраная» и начинаются с зачала: «Аще хощеси работати господеви, уготови душу твою во смирение. Аще премудръ будеши, себе премудръ будеши, и искреннымъ твоимъ. Аще ли соль будеши, единъ почерпнеши слая». Впоследствии данная подборка воспроизводилась в составе учебника «Юности честное зеркало или показание къ житейскому обхождению. Собранное отъ разныхъ авторовъ» (СПб., 4.II.1717), а также

² Весьма примечательно, что одним из источников этих цитат могли быть античные авторы, чьи высказывания уже стали своего рода крылатыми выражениями. Из более современных авторов самым цитируемым был Эразм Роттердамский. И лишь на последнем месте — сентенции из святоотеческой традиции.

³ Наиболее интересным примером может быть учебник известного краковского издателя, сторонника кальвинизма Мачея Вижбенты (Maciej Wirzbięta, 1523–1605) «Elementaria institutio Latini sermonis, et pietatis Christianae» (Краков, 1575). См. описание на русском языке в: Соболевский А. И. Две библиографические редкости // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца в Киеве. Кн. 12. 1898. С. 12–21.

в упоминавшейся «Азбуке» Барсова и в подготовленном по повелению Екатерины II букваре митрополита Московского Платона (Левшина, 1737–1812) «Сокращенный катихизисъ, для обучения отроковъ» (М., 1769). Помещенные в букварях религиозные сентенции подлежали заучиванию наизусть. И лишь во второй половине XVIII в. их содержание было существенно расширено за счет различного рода этикетных правил, советов, как вести себя в обществе, и даже набора остроумных изречений, которыми можно было блеснуть в беседе.

Данная модель катехетического поучения (а я рассматриваю религиозно-нравственные сентенции XVII–XVIII вв. именно в этом качестве) органично вписывается в линию развития т.н. «Spruchbücher» — особого литературного жанра, который сформировался первоначально в протестантской книжности XVI в. и во многом благодаря сочинениям «учителя Германии» (*Praeceptor Germaniae*) Филиппа Меланхтона (1497–1560)¹. Ранние «Spruchbücher» состояли из тематически упорядоченных, некомментируемых библейских сентенций; их использовали как в школьной практике, так и дома для духовной формации и индивидуальных форм благочестия². По замыслу реформационных педагогов, библейские

фрагменты надлежало заучивать наизусть. Спрос на «Spruchbücher» объясняется и той особой ролью, которая отводилась Св. Писанию в процессе духовной формации верующих во всех протестантских конфессиях: к нему относились как к ценности самой по себе, а не только как к источнику иллюстративного материала для отдельных катехетических поучений и морализаторских наставлений. Высоко ценя значение усвоения библейских текстов детьми в процессе обучения, родоначальник Реформации Мартин Лютер (1483–1546) дважды издает в 1526 г. тематический библейский цитатник для нужд школы «Ein Büchlein für die Kinder gebessert und gemehrt», а в 1529 г. наряду со своими катехизисами готовит к печати и своеобразную Библию для детей — «Kinderbibel», которая выдержала в течение XVI в. 25 переизданий на немецком и четыре — на латинском языках. Знаменитая «Скрижаль» («Haustafel») Лютера — подборка цитат из Св. Писания об обязанностях разных сословий и социальных групп, которая воспроизводилась в качестве приложения ко всем изданиям «Малого катехизиса» реформатора (первое издание — в 1529 г.), также замышлялась для заучивания наизусть и воспринималась как своего рода «Memorierstoff»³. Целям широкого распространения Св. Писания служили также и религиозные песни реформаторов всех конфессиональных оттенков⁴.

Структура и содержание европейских «Spruchbücher» претерпевает впоследствии определенную эволюцию. Религиозный материал тематически упорядочивается, организуется преимущественно в соответствии с последовательностью литургического года, а еще позднее — в соответствии с последовательностью частей катехизиса⁵. Уже к середине XVIII в. сочинения этого жанра разрастаются до огромных по объему компендиумов, в значительной степени утрачивая связь с элементарными школьными учебниками.

Нельзя сказать со всей определенностью, были ли эти подборки религиозно-нравствен-

¹ Jung M. Frömmigkeit und Theologie bei Philipp Melanchthon. Das Gebet im Leben und in der Lehre des Reformators. Tübingen, 1998. S. 218. Особое значение для формирования жанра «Spruchbücher» имели две ранние работы Меланхтона: учебник грамматики, опубликованный в 1523 г. первоначально на латыни («Enchiridion elementorum puerilium»), а через год — в немецкоязычной версии как «Handbüchlein wie man die Kinder zu geschrift und lese halten soll», и небольшая подборка поучений «Etlliche spruch darynn das gantz Christlich leben gefasset ist», работу над которой реформатор закончил до 1527 г. Второе сочинение сохранилось только в более поздних перепечатках.

² Schoell J. Spruchbuch // Religion in Geschichte und Gegenwart. Bd. 5. Tübingen, 1931. Kol. 716–718. Реформация, наряду с целым рядом поистинне фундаментальных перемен в духовной жизни Европы, повлияла также на становление новых форм духовно-религиозного образования или формации простых верующих. Именно в эпоху Реформации получает распространение т.н. «домашнее пастырство», когда на главу семейства возлагались обязанности наставлять своих домочадцев в азах христианского вероучения, обучать их основным молитвам, знакомить их с текстами Св. Писания. И именно для этих целей реформационные богословы и педагоги всех конфессиональных ориентаций создают многочисленные мануалы, пособия и справочники, которые в истории немецкоязычной литературы известны под собирательным названием «Hausvaterliteratur».

³ Schnepfer A. E. Goldene Buchstaben ins Herz schreiben. Die Rolle des Memorierens in religiösen Bildungsprozessen. Göttingen, 2012. S. 78–80, 86, 94–99.

⁴ Veit P. Das Kirchenlied in der Reformation Martin Luthers. Eine thematische und semantische Untersuchung. Stuttgart, 1986.

⁵ Reu J. M. Quellen zur Geschichte des biblischen Unterrichts. Gütersloh, 1906. S. LXXV–CIII.

ных и библейских сентенций в кириллических букварях отголоском или даже подражанием западной традиции «Spruchbücher» или мы имеем дело с совершенно самостоятельным явлением. Но совершенно очевидно, что эти подборки в украинских, белорусских и российских букварях XVII–XVIII вв. тематически значительно богаче и по своей композиции разительно отличаются как от более ранних толковых азбук, известных исследователям еще по рукописной традиции¹, так и от подборок поучительных сентенций из Св. Писания для детей и родителей, которые мы встречаем в знаменитом львовском букваре 1574 г. первопечатника Ивана Фёдорова (ок. 1510–1583). Львовское издание включало лишь набор цитат из ветхозаветных книг Притчей Соломоновых (22: 17–19, 22–23; 23: 10–14, 15–19, 22, 26) и Премудрости Иисуса, сына Сирахова (30: 11–12), новозаветных Посланий Апостола Павла к Ефессянам (6: 1–4), к Колоссянам (3: 12б–16), Первого к Фессалоникийцам (5: 14–23). Аналогичный набор цитат воспроизводился позднее в продолжающих линию букваря Фёдорова изданиях XVII–XVIII вв., опубликованных в Киеве, Москве, Супрасле и Почаеве.

Условно третья линия развития школьного катехизиса представлена «Первым учением отроком» (СПб., 1720) богослова и сподвижника Петра I, выходца из Киевской митрополии Феофана Прокоповича (1681–1736) и школьными катехизисами митрополита Московского Платона (Левшина).

Сочинение Прокоповича включало также и небольшую грамматическую часть, а потому зачастую именуется в литературе букварем. «Первое учение» оставалось на протяжении всего XVIII в. одним из основных школьных катехизисов в Российской Империи: в 1722 г. было

высочайше предписано, чтобы в учреждаемых при Архиерейских домах школах «учить... по недавно изданным первого отроков учения книжицамъ», а в 1723 г. указом Святейшего Синода букварь был введен во всеобщее употребление при обучении не только духовных лиц, но и мирян². Упоминается сочинение Прокоповича и в «Духовном Регламенте». «Первое учение» составлялось Феофаном по повелению Петра I и было частью задуманной царем реформы в области начального и среднего образования. По своей структуре катехизис несколько напоминает лютеранские памятники, поскольку начинается именно с толкования Декалога. Развернутое богословское обоснование такой последовательности частей катехизиса, когда христианское вероучение открывается именно изложением предписаний десятословия, Мартин Лютер предложил впервые в работе 1526 г. «Немецкая месса» и воплотил впоследствии в своем «Малом катехизисе» 1529 г.³ Предложенная родоначальником Реформации модель приживается в лютеранской традиции, становясь ее своеобразной визитной карточкой.

Важно отметить, что в издававшихся в России элементарных учебниках сам текст Декалога появляется лишь с 1630-х гг., но до выхода в свет «Первого учения» не встречалось какого-либо толкования заповедей Ветхого Завета. Не стало исключением и небольшое катехетическое поучение «Заповеди божия, и церковныя, и иная некая виновная спасению словеса» (М., 1702), воспроизведенное потом в упоминавшихся выше московских букварях 1704 и 1708 гг.: развернутое истолкование получили здесь лишь церковные предписания, но не десятословие. Я не учитываю в данном случае знаменитое «Православное исповедание веры» (М., 1696) Киевского митрополита Петра Могилы (1596–1646), поскольку это сочинение составлялось как исчерпывающая по содержанию конфессия и школьным катехизисом в строгом смысле слова не является.

Как в композиционном, так и в содержательном отношении «Первое учение» обнаруживает много общего со следующими лютеранскими памятниками: «Катехетическая школа»

¹ Толковая азбука (также могла называться азбучной молитвой или азбучным акростихом) составлялась как из изречений Св. Писания, так и из нравственно-поучительных высказываний, подобранных к каждой букве алфавита; она организовывалась в форме акростиха, начальные буквы строк которого и составляли азбуку. Толковая азбука использовалась в качестве вспомогательного мнемотехнического средства для запоминания алфавита. Наиболее распространенными в восточно-христианском ареале были азбуки «Азь есмь всему миру светъ», «Азь есмь богъ», «Азбука о Христе», «Азбука об Адаме». См.: Демкова Н. С., Дробленкова Н. Ф. К изучению славянских азбучных стихов // Труды Отдела Древнерусской литературы. Т. 23. 1968. С. 27–61.

² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание I. Т. VI. СПб., 1830. № 4021; Там же. Т. VII. № 4172.

³ Herbst W. Evangelischer Gottesdienst. Quellen zu seiner Geschichte. Göttingen, 1992. S. 69–87.

(*Katechismus-Schule*; Ганновер, 1635) и «Малые катехетические вопросы» (*Kleine Catechismus-Fragen*; Брауншвайг, 1639) главы ганноверской территориальной церкви Юстуса Гезения (Justus Gesenius, 1601–1673) и «Катехетические наставления» (*Institutiones Catecheticae*; Лейпциг, 1635) и «Сокращенное христианское наставление» (*Epitome Catecheticorum praeceptorum*; Ульм, 1642) суперинтендента Ульма Конрада Дитриха (Konrad Dietrich, 1575–1639). Названные катехизисы были в личной библиотеке Феофана¹; текстологический анализ говорит о том, что они представляют собой авторские расширенные переработки «Малого катехизиса» Лютера.

«Первое учение» получило достаточно критичную оценку у современников. Оппоненты обвиняли Феофана в увлечении протестантизмом, а из всех разделов учебника именно толкования заповедей Ветхого Завета подвергались наибольшему нападкам. Критики считали, что именно там чуждые влияния проявились с наибольшей очевидностью. Детальному анализу «заблуждений» посвящен сохранившийся в рукописном виде трактат молдавского господаря Димитрия Кантемира (1673–1723) «Места примечная в катехизисе, иже отъ без имяннаго автора на Славенском языке изданъ»². Он считает, что автор катехизиса совершенно несправедливо сводит «Закон Божий» исключительно только к Декалогу, не включая в понятие «закон» предписаний, данных Христом в Новом Завете. Кантемир не видел необходимости в столь подробном, выдержанном в духе западной схоластики толковании ветхозаветного десятизакония, с детальным перечислением грехов против каждой из заповедей³.

¹ Феофан Прокопович. *Философські твори*. Т. III. Киев, 1981. С. 410–444; Tetzner J. *Bücher deutscher Autoren in Prokopovičs Bibliothek // Die deutsch-russische Begegnung und Leonhard Euler. Beiträge zu den Beziehungen zwischen der deutschen und der russischen Wissenschaft und Kultur im 18. Jahrhundert*. Berlin, 1958. С. 125–142.

² Отдел рукописей Библиотеки РАН, Санкт-Петербург. Шифр 33.11.3. Сочинение датируется 1720–1723 гг.

³ Езов А. По каким книгам обучались у нас Закону Божию в XVIII столетии, и — чему обучались? // *Странник*. 1896. Т. 1. Апрель. С. 602–604; Извеков Д. Г. Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича // *Заря*. Журнал учено-литературный и политический, издаваемый В. Кашпиревым. 1870. Август. Отдел второй. С. 19–29.

Полемику вокруг букваря Прокоповича необходимо рассматривать в более широком контексте, а именно — в контексте предпринятых в эпоху Петра I реформ в сфере образования, когда речь шла также и о содержании религиозного образования в начальной и средней школе. Сторонники старины, такие, как князь Кантемир, ратовали за сохранение тех моделей религиозного обучения, которые господствовали на Руси с незапамятных времен, сложились еще в эпоху евангельской проповеди первых апостолов, были освящены многовековой традицией⁴. В рамках этих представлений просто не было места для формализованных в соответствии с ветхозаветными предписаниями норм поведения и социальных обязанностей христианина. В своем букваре Феофан предложил по сути новое содержание религиозного образования: богослов считал, что ключевым элементом изложения веро- и нравочения должны стать ветхозаветные предписания десятизакония. Именно на их основе Феофан делает попытку сформулировать какой-то кодекс практического поведения и основных христианских, а также по большому свету и гражданских обязанностей. В своих реформаторских поисках богослов обращается в том числе и к протестантским образцам, в меньшей степени заимствуя фактический материал, а в большей степени — подходы и методы изложения. Для самого Прокоповича это было попыткой ответить на господство католической схоластики в духовном образовании той эпохи не только в России, но и в Киевской академии.

Оппонентам Прокоповича удалось уловить эту протестантскую нотку в его сочинении, они выступили против проникновения идей протестантизма в русской богословской мысли. Обвиняя Феофана в симпатиях к чуждым православия идеям, его критики ссылались также и на материал латиноязычных киевских лекций богослова, которые композиционно (а отчасти —

⁴ «Церковь соборная, — писал Кантемир, — может быть от самых приемши апостоловъ (якоже древность употребления показывает) христианскимъ пачеже своимъ чадомъ учения <...> образъ и правила показала и устави́ла <...> которое учения правило даже до сего дне везде содержится, где сиречь восточныя церкви процветаетъ учение». И далее Кантемир подробно описывает ступени освоения детьми религиозного знания (Места примечная. Л. Зоб.—9об.).

и содержательно) опираются на протестантские суммы XVII в.¹

Несмотря на критику, после «Первого учения» толкование заповедей Декалога становится неотъемлемой частью всех популярных катехетических поучений, издававшихся в составе учебной литературы на территории России. Впоследствии значительно сокращенная кириллическая версия киевского курса Прокоповича, изданная в Санкт-Петербурге в 1765 г. под названием «Сокращенное христианское учение», упоминается в проекте устройства малых школ 1764 г. историка и общественного деятеля Василия Васильевича Крестинина (1729–1795), в полном объеме воспроизводится в букваре львовского Ставропигийного Института 1790 г., а в России была использована митрополитом Платоном для составления его «Православного учения, или сокращенной христианской богословии» (М., 1765). Из своего «Православного учения» Платон делает впоследствии вопросно-ответный «Краткий катехизис для обучения малых детей православному христианскому закону» (М., 1775), сохраняя присущую системе Прокоповича структуру и последовательность изложения богословского материала. Для нужд школьной практики митрополитом были составлены и «Сокращенный катехизис, для обучения отроков» (1769), который, по замыслу, должен был или дополнить или даже прийти на смену «Первому учению» Прокоповича, а также «Сокращенный катехизис для священ-

но и церковнослужителей» (М., 1775). При этом фрагменты о Декалоге в этих практически идентичных, несмотря на принципиальное отличие их адресата, учебниках составлены как переделка раздела о заповедях из букваря Феофана.

Существовали также многочисленные переиздания «Первого учения» за пределами России (например, в Сербии²), его переводы на немецкий (1723), английский (ок. 1723) и румынский (1726) языки. На Западе катехизис Феофана переиздавался и в XIX в.³, воспринимался впоследствии представителями протестантского богословия как авторитетное изложение православного вероучения.

Охарактеризованные выше пунктирно влияния (в том числе и иноконфессиональные), которые прослеживаются в достаточно немногочисленных сохранившихся текстах школьных катехизисов XVII–XVIII вв., не исчерпывают всего разнообразия кросскультурных и религиозных влияний, которые испытывает православная книжность раннего Нового времени. Активное обращение к «внешним» образцам и к сложившимся в Западной Европе моделям традиции той эпохи была лишена собственного внутреннего потенциала развития. Скорее всего, это говорит об определенной открытости православной книжности, о том, что ее конфессиональный «облик» формировался в результате диалога с иными культурными и религиозными традициями.

Список литературы:

1. Дарчевска И. Старинные славянские азбуки и буквари (к вопросу о единой истории древнеславянского литературного языка в ареале «греко-славянского мира») // Советское Славяноведение. 1979. № 4. С. 56–66.

¹ Весьма примечательно, что главными оппонентами Феофана выступили не великороссы, но те представители православного духовенства, которые, как и он, прошли через киевскую систему схоластического образования. С полемическими трактатами против идей Феофана выступили местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский (1658–1722) и ректор Киевской академии, бывший сокурсник Прокоповича Феофилакт (Лопатинский, ок. 1680–1741). Сочинения обоих сохранились в рукописной форме: «Иго удобносимое» пера Яворского (Государственный исторический Музей, Москва. Отдел рукописей. Собрание Уварова № 153–1°, рукопись без датировки) и относящийся к началу 20-х гг. трактат Феофилакта «Иго Господне благо и бремя его легко» (Отдел рукописей Библиотеки РАН. Шифр 31.4.28).

² Дарчевска И. Старинные славянские азбуки и буквари (к вопросу о единой истории древнеславянского литературного языка в ареале «греко-славянского мира») // Советское Славяноведение. 1979. № 4. С. 60.

³ The Doctrine of the Russian Church, being the Primer or spelling book [...]. Translated from the Slavono-Russian originals by R. W. Blackmore. Aberdeen, 1845.

2. Ежов А. По каким книгам обучались у нас Закону Божию в XVIII столетии, и — чему обучались? // Странник. 1896. Т. 1. Апрель. С. 587–613.
3. Извеков Д. Г. Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича // Заря. Журнал учено-литературный и политический. 1870. Август. Отдел второй. С. 1–35.
4. Корзо М. А. О структуре и содержании букварных катехизисов московской печати XVII — начала XVIII в. // Славяноведение. 2005. № 2. С. 61–71.
5. Феофан Прокопович. Философски твори. Т. III. Киев, 1981.
6. Herbst W. Evangelischer Gottesdienst. Quellen zu seiner Geschichte. Göttingen, 1992.
7. Jung M. Frömmigkeit und Theologie bei Philipp Melancthon. Das Gebet im Leben und in der Lehre des Reformators. Tübingen, 1998.
8. Kubálek J., Hendrich J., Šimek Fr. Naše Slabikáře. Od nejstarší doby do konce století XVIII. Praha, 1929.
9. Müller J. Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachigen Unterrichts bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. Gotha, 1882.
10. Murawski R. Katecheza w średniowieczu // Encyklopedia Katolicka. T. 8. Lublin, 2000. Kol. 1031.
11. Reu J. M. Quellen zur Geschichte des biblischen Unterrichts. Gütersloh, 1906.
12. Schnepfer A. E. Goldene Buchstaben ins Herz schreiben. Die Rolle des Memorierens in religiösen Bildungsprozessen. Göttingen, 2012.
13. Schoell J. Spruchbuch // Religion in Geschichte und Gegenwart. Bd. 5. Tübingen, 1931. Kol. 716–718.
14. Tetzner J. Bücher deutscher Autoren in Prokopovičs Bibliothek // Die deutsch-russische Begegnung und Leonhard Euler. Beiträge zu den Beziehungen zwischen der deutschen und der russischen Wissenschaft und Kultur im 18. Jahrhundert. Berlin, 1958. С. 125–142.
15. Veit P. Das Kirchenlied in der Reformation Martin Luthers. Eine thematische und semantische Untersuchung. Stuttgart, 1986.
16. Willke I. ABC-Bücher in Schweden. Ihre Entwicklung bis Ende des 19. Jahrhunderts und ihre Beziehungen zu Deutschland. Lund, 1965.

References (transliteration):

1. Darchevska I. Starinnye slavyanskije azbuki i bukvari (k voprosu o edinoi istorii drevneslavyanskogo literaturnogo yazyka v areale «greko-slavyanskogo mira») // Sovetskoe Slavyanovedenie. 1979. № 4. S. 56–66.
2. Ezhov A. Po kakim knigam obuchalis' u nas Zakonu Bozhiyu v XVIII stoletii, i — chemu obuchalis'? // Strannik. 1896. T. 1. April». S. 587–613.
3. Izvekov D. G. Odin iz maloizvestnykh literaturnykh protivnikov Feofana Prokopovicha // Zarya. Zhurnal ucheno-literaturnyi i politicheskii. 1870. Avgust. Otdel vtoroi. S. 1–35.
4. Korzo M. A. O strukture i sodержanii bukvarnykh katekhizisov moskovskoi pečati XVII — nachala XVIII v. // Slavyanovedenie. 2005. № 2. S. 61–71.
5. Feofan Prokopovich. Filososfs'ki tvor. T. III. Kiev, 1981.
6. Herbst W. Evangelischer Gottesdienst. Quellen zu seiner Geschichte. Göttingen, 1992.
7. Jung M. Frömmigkeit und Theologie bei Philipp Melancthon. Das Gebet im Leben und in der Lehre des Reformators. Tübingen, 1998.
8. Kubálek J., Hendrich J., Šimek Fr. Naše Slabikáře. Od nejstarší doby do konce století XVIII. Praha, 1929.
9. Müller J. Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachigen Unterrichts bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. Gotha, 1882.
10. Murawski R. Katecheza w średniowieczu // Encyklopedia Katolicka. T. 8. Lublin, 2000. Kol. 1031.
11. Reu J. M. Quellen zur Geschichte des biblischen Unterrichts. Gütersloh, 1906.
12. Schnepfer A. E. Goldene Buchstaben ins Herz schreiben. Die Rolle des Memorierens in religiösen Bildungsprozessen. Göttingen, 2012.
13. Schoell J. Spruchbuch // Religion in Geschichte und Gegenwart. Bd. 5. Tübingen, 1931. Kol. 716–718.
14. Tetzner J. Bücher deutscher Autoren in Prokopovičs Bibliothek // Die deutsch-russische Begegnung und Leonhard Euler. Beiträge zu den Beziehungen zwischen der deutschen und der russischen Wissenschaft und Kultur im 18. Jahrhundert. Berlin, 1958. S. 125–142.

15. Veit P. Das Kirchenlied in der Reformation Martin Luthers. Eine thematische und semantische Untersuchung. Stuttgart, 1986.
16. Willke I. ABC-Bücher in Schweden. Ihre Entwicklung bis Ende des 19. Jahrhunderts und ihre Beziehungen zu Deutschland. Lund, 1965.